

ПАМЯТИ БОРИСА КУКЛОВА

"Человеком с крылышками" и своим сорезжиссером. А как вдохновенно он слушал каждый концерт, ни одного не пропуская, записывая все, чтобы потом совершенствовать. Как талантливо любил он свою Леночку!

Многое еще хотелось бы сказать о Борисе Степановиче. Это и понятно, ведь рядом с ним, в ауре его светлого негромкого обаяния, жизнь становилась добрее и теплее. Но земное бытие — штука коварная, память гораздо долговечнее, она остается с нами.

Наталья ПОЛИЩУК

Из жизни ушел Борис Степанович Куклов — светлый, добрый, интеллигентный человек, Врач от Бога, кандидат медицинских наук, автор более 100 научных трудов, спасший сотни и сотни людей. Я знаю и люблю его всю свою жизнь — он был другом моего отца еще со времен оккупации Одессы, которую они вместе мальчишками и пережили. Я хочу рассказать об этом человеке тем, кто его знал, — чтобы еще раз вместе вспомнить. И тем, кто не имел радости общения с ним, — может, "в мире больном и выморочном" это в какой-то степени поможет им вернуть веру в Человека.

Он и его супруга актриса Елена Куклова никогда не жили без друзей. Дружья становились пациентами, а пациенты — друзьями. В их хлебосольном доме люди попадали раз и навсегда, но не только хлебосольство собирало вокруг них друзей. Здесь было всегда необычно и очень интересно. В этом доме я познакомилась с песнями Б. Окуджавы и В. Высоцкого, балладами

А. Галича, здесь впервые услышала стихи Марины Цветаевой... Это все очень щедро дарилось не только в переносном, но и в прямом смысле — немедленно переписывалось на магнитофон или от руки и уже становилось твоим. Стихи здесь читались часами, и не только чтицей Еленой Кукловой. Здесь вдохновенно читал свои стихи мой отец — поэт, журналист, адвокат Сергей Полищук.

Борис Степанович умел, любил делать друзьям праздник. Иногда даже подвергая себя при этом серьезному риску.

Конец 1970-х годов. Эпоха застоя. Стихи С. Полищука, острые и едкие до язвительности, не публикует ни одно издание. Один за другим идут процессы над диссидентами и "антисоветчиками", несколько листов со стихами "самиздата" стоили свободы Василию Барладу, которого мой отец защищал в суде. И в это страшное время Борис Степанович берет у отца рукописи его стихов, а на день рождения приносит 20 готовых переплетенных

книг — размножил у себя в НИИ труда! Как же оба они радовались тогда этой еще не "всамделишной" книжке! И как все-таки опасались лишней раз даже показать ее кому-то...

Казалось, не было ничего, что могло бы оставить Бориса Степановича равнодушным, начиная от близких друзей, их близких и дальних родственников, знакомых и знакомых знакомых. Он избрал такие лекарства, которые заживляли раны и трофические язвы, известным только одному ему способом без операционного вмешательства спасал молодых мам от мастита.

В 1980 году отца прооперировали в московской клинике по поводу рака легкого. В ту же ночь я попала на операцию аппендицита. Мама в Москве, ко мне в больницу ходят друзья. Связи у нас никакой. И вдруг открывается дверь моей палаты и заходит Борис Степанович с магнитофоном — он записал для меня разговор с мамой!!! И так — через день: Леночка с супчиком, Борис Степанович с кассетой! А па-

пу к этому времени прооперировали еще дважды, он в реанимации, и шов у него не закрывается. Тогда Борис Степанович впервые на моей памяти повысил голос и категорически потребовал, чтобы мама везла отца домой. Выписали под расписку с раскрытым 20-сантиметровым швом. Как мама везла его сутки в поезде — другой рассказ, но как только он вошел в квартиру, им занялся Доктор Куклов. На второй день шов начал затягиваться, на пятый — полностью закрылся. Папа прожил после этого 15 лет...

Творческим человеком Борис Степанович был не только в медицине. С каким интересом и энтузиазмом он принимал участие в подготовке программ своей жены! Они вместе ездили искать сестру Марины Цветаевой Анастасию, нашли, общались с ней, привезли бесценные записи этих бесед. Блестящие программы Е. Кукловой о Цветаевой актуальны и выразительны уже более 30 лет. Режиссер Кукловой Зинаида Дьяконова называла Бориса Степановича

ДРУЗЬЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Белла ЕЗЕРСКАЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Мощный импульс пришел из Одессы. Приехали Кукловы и привезли кучу новостей, писем, книг, приветов.

А еще говорят, что чудес не бывает. Но разве не чудо, что мы снова встретились? Ведь тогда отъезд был, как смерть. Навсегда. Они уплывали вместе с перроном все дальше и дальше. В никуда. Или это мы уезжали в никуда? Колеса выстукивали: "Никогда, никогда". Слезы застилали глаза. Расставались мы мучительно. Наша дружба не успела себя изжить. "Уж лучше бы мы поссорились, — сказала как-то Лена, — легче было бы". Мы жили на одной улице, с одними интересами, встречались часто, благо поводов хватало. Боря, кандидат медицинских наук, был страстным книголюбом и меломаном. Он коллекционировал записи бардов. Лучшие часы мы с мужем провели на их стареньком диване, не слушая, нет, — внимая тогда еще полузапрещенным Окуджаве, Высоцкому, Галичу. Это был прорыв в новый — неизвестный и волнующий мир. Это были годы нашего гражданского мужания. Я с грустью думаю, что такого всепоглощающего восприятия поэтического слова, как в те годы, такой абсолютной отдачи в нашей жизни уже не будет. Боря привозил новые записи из дальних и близких командировок, покупал, обменивал — по этой части он был виртуоз. Их комната от пола до потолка была завалена книгами, газетами, кассетами — повернуться было негде. Это была интеллигентная формация 60-х. Не стыдно было носить годами один и тот же костюм, но стыдно было не читать Пастернака и Цветаеву. Боря работал тогда в НИИ труда. Он автор более ста научных трудов по проблемам клинической физиологии и гигиены, ученый, разработавший ряд основополагающих вопросов по теории медицины, которые я испытала на себе. Он был врач милостью Божьей, но для нас он был, прежде всего, другом. Он из той категории людей, для которых дружба — понятие круглосуточное. К нему можно было завалиться ночью в истерике от плохого и наскоро сделанного ремонта, на который ушла моя месячная зарплата библиотекаря ("три рубля в день", как с горечью говорил мой папа). Он сначала приводил в чувство, а потом соображал, у кого бы занять денег, потому что в семье врача и актрисы денег отродясь не

бывало. Деньги он, в конце концов, доставал. Так мы жили: скудно, бедно, но интересно. И всегда чувствовали локоть друг друга.

Мы обожали Пушкина. Если я чему и завидовала, так это Борину умению пополнять новинками свою пушкиниану. Незадолго до отъезда я "взяла реванш" — достала "Донжуанский список Пушкина". Так он его — представьте — постранично не скопировал (копировальные машины тогда были большой редкостью), а сфотографировал! В домашних условиях, без приспособлений, согнувшись над столом. Эта экзекуция — не над Губером, над собой — продолжалась несколько часов. Но он был безмерно счастлив. И уже сюда, в Америку, с любой оказией он присылал мне книги о Пушкине, которые я когда-то хотела иметь, но не смогла достать.

Боря — существо необыкновенное, таких больше не производят. Человек высочайшего благородства. Самоотверженный сын. Самоотверженный отец. Самоотверженный муж. Самоотверженный друг. Вложите в это четырехжды повторенное слово его изначальный смысл — человек, отвергающий собственные интересы ради интересов других, — и вы получите портрет Бориса Степановича Куклова.

Его к нам в дом привела Лена — на смотрины. Посидев для приличия немного за столом, я вызвала невесту на кухню и строго, на правах старшей, отчитала: "Что ты смотришь, это же доктор Дымов, ты что, сама не видишь? Повезло тебе! Только не будь попрыгуньей". Много воды утекло с тех пор. Они уже 35 лет вместе. Слава Богу!

Они не отговаривали нас от отъезда именно потому, что были настоящими друзьями. Сами ехать не собирались, не могли жить без Одессы. К тому же Лена была артисткой, чтицей, профессия намертво привязала ее к родному языку. Мысль оказаться вне русской языковой среды пугала ее.

С Леной мы познакомились в парке Ильича, разбитом возле Привоза на месте старого еврейского кладбища. На подмостках тоненькая большеглазая девочка читала "Нунчу". Помню, что исчез вдруг парк культуры на костях, заплыванные окурками аллеи, танцплощадка, откуда доносились звуки фокстрота, и я очутилась в Риме на площади Святого Якова, возле фонтана, у которого любил отдыхать Джованни Боккаччо.

А возле фонтана на фоне белой церковной стены стояла со своей тележкой Нунча — веселая, гордая, страстная Нунча, первая красавица и первая танцорка квартала.

Так бывало всегда. Что бы ни читала Лена Куклова, кого бы ни брала она себе в соавторы: Пушкина или Марину Цветаеву, Маршака или Паустовского, Чехова или Алексина, — она растворялась в судьбе их героев без остатка. Она заставляла нас сопереживать им так, как будто они были реальными людьми, а не литературными героями.

Я увела эту чудо-девочку с этих убогих подмостков, где подвизались "лекторы по распространению", к себе домой. Тогда у Лены не было ни высшего гуманитарного, ни регулярного театрального образования. Все, что у нее было, — это десятилетка, природой поставленный голос, абсолютный слух и умение жить в образе. Она посещала студию при Доме актера, руководителем которой была известный режиссер-педагог Зинаида Григорьевна Дьяконова. Она и была единственной наставницей начинающей чтицы Елены Кукловой, она разглядела и сберегла ее удивительный дар, и Лена до сих пор благодарна ей.

После нашего отъезда в 1976 году мы виделись дважды: в 1994 году мы с мужем впервые приехали в Одессу на 200-й юбилей города. В 1997 году Кукловых в первый раз выпустили в гости к сыну в Нью-Йорк. Леночка стала лауреатом двух литературных премий: Ивана Рядченко, известного одесского поэта, чьи стихи она читала в своих программах, и Константина Георгиевича Паустовского — за пропаганду его творчества. Рядченко в свое время посвятил Лене не одно стихотворение:

Когда читает Леночка Куклова, — Неважно, проза это или стих.

По слухам, ею сказанное слово Порой доходит даже до глухих.

К 35-летию сценической деятельности Лена Куклова обновила свои программы и подготовила новые. 35 программ за 35 лет. Ее талант окреп и расцвел. Она стала настоящим Мастером. У нее много поклонников, которые следуют за ней с концерта на концерт, каждый раз находя что-то новое в ее интерпретации. Юбилей Елены Яковлевны Кукловой превратился в праздник культуры для всего города.

Любимый поэт Кукловой — Цветаева. Она задумала композицию

"Мой Пушкин" еще в начале 70-х, когда стихи Цветаевой можно было найти только в журналах. Сколько сил и времени потратил Боря, чтобы разыскать эти стихи по межбиблиотечному абонементу! Программа была приготовлена с великой любовью и тщанием, с предвкушением радости открытия слушателям великого поэта. И — сходу запрещена одесским партийным начальством. Почему? Нельзя — и все. Не время. Надо подождать. Неизвестная партийная дама, не прочитавшая ни одной цветаевской строчки, самонадеянно решила посмертную судьбу поэта.

Актриса и ее муж бились головой о войлочную стенку. Ударов не было слышно, но их отбрасывало, как мячики, на исходные позиции. Несколько лет продолжалась эта неравная борьба. Публикация Цветаевой уже давно была разрешена, ее издавали огромными тиражами по всей стране, а одесские держиморды все еще держали глухую оборону вокруг имени поэта.

Боря поехал в Москву и обратился за помощью к доктору искусствоведения, члену редколлегии "Литературного наследия" Илье Самойловичу Зильберштейну. Авторитет ученого, его связи, его уважение к имени Цветаевой и таланту актрисы возымели действие. В 1975 году Цветаеву выпустили из одесского заточения. Лена объездила с ней весь Советский Союз, всюду встречая восторженный прием. Но самой высокой наградой ей было признание и любовь сестры Марины Ивановны — Анастасии.

Цветаева — не легкий для чтения и понимания поэт. Перепады ритма, рваная строка, затемненные метафоры, немыслимые рифмы и эти тире, в которых больше смысла, чем в иных словах. Поэт Владимир Гандельсман пишет о поэзии Цветаевой: "Ее стихи похожи на раскопанные... Ее прелестные тире подобны лопате, отбрасывающей пласты слов в поисках клада... Это не скрупулезное просеивание почвы, а яростный уход в глубину: или пан, или пропал".

Для мелодичного ли голоса Елены Кукловой, для ее ли женственной природы эта неженская поэзия? Но она сумела объединить две стихи — цветаевскую неистовость и божественную пушкинскую гармонию — в единое целое в композиции "Мой Пушкин", в той самой, арестованной.

Мы сидим у нас дома, на Мэдисон, как бывало сживали на Кузнечной. И Лена читает. Тоненьким голоском за девочку Мусеньку, убежденную, что к ним в гости приходил "памятник Пушкина", и страстно-нетерпеливым — за Марину Ивановну, которая иначе не умела. Марина втолковывает нам, непосвященным, что Татьяна словами "Я вас люблю, к чему лукавить?" добровольно отказалась от своей, так дорого доставшейся ей победы.

А потом лились божественные пушкинские строки объяснения Онегина с Татьяной у нее в будуаре, и там было все: и гнев, и боль, и горечь, и ирония. Вся буря чувств поднявшейся со дна оскорбленной души. Не было только "злогобого веселья", которого опасался Онегин, потому что эпитет "злой" несовместим с Татьяной. Но Онегин судит по себе: уж он-то повеселился бы. И ни единой неверной интонации. И благородство, органичное, незаемное.

Лена раскрыла мир Татьяны "тихо, просто", без жестуляции, без наигрыша — с помощью одного лишь голоса. И мы, зная "Онегина" наизусть с детства, словно впервые постигли всю глубину трагедии женщины, для которой слова "долг" и "честь" были превыше любви.

"С кем ты там будешь говорить о Пушкине?" — сокрушалась Леночка, провозажая нас в Америку. Мы представляли себе эмиграцию как лунную пустыню. Было, Леночка, было с кем говорить и писать. Мы унесли Пушкина в эмиграцию с собой в своих сердцах. И даже свою диссертацию в Нью-Йорке я делала о Пушкине в Одессе. "Рассудку вопреки, наперекор стихиям".

В прошлый их приезд четыре года тому назад я "угощала" их Всемирным торговым центром. Они поднялись на смотровую площадку на 102 этаже и замерли от восторга. А я вошла их по зданиям и территории, гордясь так, будто я сама создала это архитектурное чудо. У меня было такое же чувство сопричастности к нему, как некогда к Одесскому оперному театру. И они разделили чувство и увезли с собой в Одессу память об этом чуде света. В череде американских впечатлений это было самое незабываемое.

11 сентября в шесть часов у Леночки должны были быть очень ожидаемые всеми нами и ею самой Цветаевские чтения в библиотеке Донелл...

Крушение двух красивейших башен они наблюдали по телевизору, но веря своим глазам. Не веря, что такое возможно. Какую память об этом ужасе они увезли с собой в Одессу? Как с этим жить дальше нам, оставшимся здесь?

"Вечерний Нью-Йорк", 19-25 октября 2001.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІС".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маршалевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.